

Жинкин Сергей Алексеевич

декан юридического факультета
Кубанского государственного университета

Казаков Герасим Александрович

аспирант кафедры теории и истории
государства и права
Кубанского государственного университета

**ВОПРОСЫ ПРИМЕНЕНИЯ
ТЕОРИЙ МОДЕРНИЗАЦИИ
В ПРАВОВОМ РЕГУЛИРОВАНИИ
СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ**

Аннотация:

В статье затрагиваются проблемы реализации модернизационных теорий в современной России, в том числе в политико-правовой сфере. Важную роль приобретает использование позитивного опыта, связанного с модернизацией за рубежом и ее научным изучением.

Ключевые слова:

теории модернизации, правовое регулирование, модернизация, современная Россия.

Zhinkin Sergey Alekseyevich

Dean of Law Faculty,
Kuban State University

Kazakov Gerasim Aleksandrovich

PhD student, Theory and History of
State and Law Department,
Kuban State University

**THE ISSUES OF APPLICATION OF
MODERNIZATION THEORIES
IN THE LEGAL REGULATION OF
THE CONTEMPORARY RUSSIA**

Summary:

The article deals with the implementation of the modernization theories in the contemporary Russia, including the political-legal sphere. Application of the foreign positive experience of modernization and its scientific study is becoming ever more relevant.

Keywords:

theories of modernization, legal regulation, modernization, modern Russia.

Процессы модернизации затрагивают все больше областей общественной жизни. Охватывают они и политико-правовую сферу. При этом важную роль играют аккумуляция позитивного правового опыта, накопленного в других государствах, и в то же время критическое восприятие соответствующих процессов и их научное объяснение.

Экономические, социальные и правовые трансформации в современной России могут трактоваться как новая попытка системной модернизации, что заставляет с особенно пристальным вниманием отнестись к проблеме ее политического и правового обеспечения, правового оформления.

В связи с вышеизложенным в отечественной науке необходим анализ самих теорий модернизации и их политико-правовых аспектов для выработки наиболее эффективных путей модернизационной политики в современной России.

Как известно, теории модернизации сложились в 50–60-е гг. XX в. как одно из течений многочисленных концепций общественно-исторического развития, которые рождались в рамках философии Нового времени. С самого начала идея модернизации имела не узко специализированный, а междисциплинарный и даже философско-мировоззренческий характер. В теории модернизации, несмотря на особое внимание к процессам социально-экономического и политического развития, с самого начала большое значение придавалось проблемам трансформации личности при переходе от традиционного общества к современному, изменения его ценностей, установок, ориентаций и самого способа взаимодействия с другими людьми.

По мнению В.И. Пантина, теория модернизации развивалась волнообразно, что отражает реальную волнообразность самого процесса модернизации. Так, первому периоду развития теорий модернизации (1950–1960-е гг.) соответствовала волна послевоенной модернизации, связанная с распадом колониальной системы и противоборством двух социально-политических систем. Этот переход пришелся на ту фазу эволюции мировой экономической и политической системы, которая означала революцию международного рынка с сопутствующими ей бурными геополитическими и геоэкономическими изменениями. Второму периоду развития теорий модернизации (1970-е – середина 1980-х гг.) соответствовало видоизменение модернизационных процессов, связанное со вступлением мировой системы в фазу структурного кризиса и временным ослаблением политического влияния стран Запада. Наконец, третьему периоду развития теорий

модернизации (с конца 1980-х гг.) соответствует новая волна модернизационных процессов, связанная с наступлением фазы технологического переворота, усилившего экономические и политические позиции развитых западных стран и приведшего к распаду советского блока.

Таким образом, можно констатировать, что развитие теорий модернизации довольно точно следует за развитием реальных модернизационных процессов [1, с. 78–79].

Согласно мнению авторов концепций 50–60-х гг. XX в., в социальной сфере модернизация связывалась с четкой специализацией людей, общественных и государственных институтов по видам их деятельности, которая все в меньшей степени зависела от пола, возраста, социального происхождения, личных связей людей и все в большей – от личностных качеств человека, его квалификации, образования, компетентности. Социальная модернизация рассматривалась и как замена связей иерархической подчиненности отношениями равноправного партнерства, основанными на базе взаимного интереса. В 60-е гг. многие исследователи указывали на то, что в процессе модернизации необходимо прежде всего наращивать инвестиции в сферу образования, стимулировать процессы формирования человеческого капитала.

Уже тогда одной из важнейших черт модернизирующегося общества считалось «рекрутирование» государственной бюрократии в соответствии с новыми требованиями к образованию, квалификации, компетенции и деловым качествам, в то время как в традиционном обществе «вход» в ряды политической элиты был предопределен статусом, происхождением и личными связями человека.

На наш взгляд, принципы данного подхода необходимо использовать и в современной России, усиливая требования к профессиональной подготовке государственных служащих, личностным качествам чиновников, а также отмечая важность постоянного повышения их квалификации.

Серьезное внимание в модернизационных теориях уделялось также социально-политическим механизмам модернизации, роли государства, политических институтов и лидеров в осуществлении преобразований (Д. Эптер, С. Блэк). Одновременно рассматривалась и проблема социального субъекта обновления: какие социальные группы заинтересованы в модернизации и готовы ее возглавить, какова роль модернизаторской элиты в обновлении общества. Главный вывод, к которому приходили теоретики модернизации, состоял в том, что успех реформ зависит прежде всего от того, сумеет ли модернизаторская элита обеспечить стабильность общества в процессе перемен. Очевидно, что обеспечение социальной стабильности при поддержании конкурентной социальной среды является целью модернизации, одним из ее ориентиров и в современной России.

В теориях 1950–1960-х гг. развитие общества рассматривается как всеобщий (универсальный) процесс, имеющий одни и те же закономерности и этапы (стадии) для всех стран и народов. Методологической основой данных теорий является технологический и экономический детерминизм: всемирное благоденствие и решение всех социальных проблем человечества выводится из прогресса технологии и экономики. Этот процесс, соответственно, ведет к размыванию социокультурных особенностей различных стран и диктует им универсальные требования.

По мнению А.П. Манченко, главный недостаток универсалистских теорий модернизации заключается в акценте на вещественные и отчужденные факторы социального бытия, в пренебрежении к социокультурным характеристикам стран и регионов [2, с. 18]. В связи с этим и в наши дни остро стоит проблема гармонизации модернизационной политики и социокультурных и ментальных особенностей народов современной России.

В 1970-е гг. сама идея модернизации подверглась многосторонней критике, как в теоретическом, так и в практическом плане, в результате весьма неприятного анализа опыта реального развития и осознания противоречивости рекомендаций различного рода экспертов. В ходе поиска соответствующей парадигмы модернизации пришлось отказаться от терминов «европеизация» или «вестернизация» как всеобщего уподобления общества западным образцам, а сохранившийся термин «американизация» приобрел в основном негативный смысл. Большинство западных исследователей подчеркивало, что попытки модернизировать общество не приводят к ожидаемым результатам. Многочисленные и социально тяжелые провалы курса на интенсивную вестернизацию заставили во многом пересмотреть прежние мнения. Наконец, была поставлена под сомнение и этноцентристская, ориентированная на Запад программа целей модернизации, поскольку многие современные государства эффективно развиваются не по пути европейских национальных государств. Очевидно, что существенной спецификой, особенно в свете напряженных отношений с западными странами, будет обладать и ближайшее социально-экономическое и правовое развитие России.

Центральным ориентиром модернизационных процессов должна стать личность, ее социально-позитивная самореализация. Интерес в связи с этим представляет разработанная в рамках Университета ООН «новая стратегия развития», направленная на совершенствование способно-

стей и потребностей человека, его самореализацию. На развитие человека, согласно данной стратегии, «нужно направить все ресурсы общества – человеческие, материальные, технические, финансовые, организационные» [3, с. 18]. На необходимость самореализации личности посредством права указывалось и в юридической литературе [4, с. 134]. Думается, что подобный критерий необходимо закрепить, а главное – конкретизировать и в современном российском законодательстве.

В 1980-е гг. движущей силой модернизации в науке уже не считается политическая элита. В центре внимания оказывается мобилизация масс, то есть деятельность «снизу», которая противостоит инертному и консервативному правящему слою. Главными проводниками модернизации признаются спонтанные социальные движения и харизматические лидеры. Модернизация больше не рассматривается как концепция, принятая образованной элитой и навязанная отсталому населению, которое цепляется за традиционные ценности и образ жизни (так было в большинстве стран «третьего мира»). Теперь распространяются разговоры о массовом стремлении простых людей изменить условия своего существования в соответствии с определенными стандартами под влиянием массовой коммуникации и личных контактов. В связи с этим актуальность приобретают проблемы участия институтов гражданского общества в модернизационных процессах, роли самоуправления в современных обществах.

К середине 1980-х гг. снова намечается смена парадигмы модернизации. Сторонники этой последней версии исходят из взгляда на модернизацию как на процесс, который не только на промежуточных стадиях, но и в конечном счете не должен приводить к трансформации традиционных незападных обществ по западной модели, являясь скорее внутренней перестройкой общества в соответствии с имманентно присущими ему законами [5, с. 71–72]. Антитрадиционалистские настроения ранних теорий сменяются утверждением, что местные традиции могут таить в себе модернизационные потенциалы. Отказ от традиций может спровоцировать мощное сопротивление, поэтому предлагается использовать их [6, с. 25].

Во второй половине 80-х – начале 90-х гг. XX в. в зарубежной литературе успех или неудача модернизации окончательно связывается с тем, насколько модернизация соответствовала социокультурным особенностям каждой страны [7, с. 80]. В литературе даже заговорили об историческом реванше гуманитарно-духовной элиты над «организаторами», «экспертами» и «командирами производства», о возрождении такого типа духовно-гуманитарного сознания, который мобилизуется в ответ на вызовы современного нигилизма, грозящего окончательным разрушением природы и культуры [8, с. 8]. Представляется, что подобные «социокультурные» тенденции должны найти свое отражение и развитие в современной российской науке и законодательстве.

Кроме того, сегодня в России необходимо создать правовые инструменты и процедуры проведения соответствующих преобразований, включающие установление нормативных требований к государственным структурам, критериев эффективности их деятельности. Процесс модернизации нуждается не только в экономическом, историческом, но и антропологически-правовом и ценностном осмыслении.

Правовая система должна формировать четкие гарантии и механизмы развития инновационности и социального творчества в обществе, осуществления социально-правовой активности. Должны повышаться роль гражданского общества и значение саморегулируемости общественной жизни в осуществлении процессов модернизации и постмодернизации в современном Российском государстве.

Таким образом, концепции модернизации и их политико-правовые аспекты нуждаются не только в дальнейшем научном осмыслении, но и в трансформации и практической реализации с учетом как накопленного опыта, так и российской социальной и правовой специфики.

Ссылки:

1. Пантин В.И. Циклы и волны модернизации как феномен социального развития. М., 1997.
2. Манченко А.П. Социальная модернизация в современной России. М., 2000.
3. Модернизация: зарубежный опыт и Россия: монография / В.А. Красильщиков, В.П. Гутник, В.И. Кузнецов [и др.]. М., 1994.
4. Жинкин С.А. Психологические проблемы эффективности права. СПб., 2009.
5. Каспэ С.И. Империя и модернизация: Общая модель и российская специфика. М., 2001.
6. Поздеева С.М. Российское общество в условиях модернизации (социально-философский анализ). Уфа, 1998.
7. Пантин В.И. Указ. соч. С. 80.
8. Панарин А.С. Реванш истории: российская стратегическая инициатива в XXI веке. М., 1998.

References:

1. Pantin, VI 1997, *Cycles and waves of modernization as a phenomenon of social development*, Moscow.
2. Manchenko, AP 2000, *Social modernization in contemporary Russia*, Moscow.
3. Krasilshchikov, VA, Gutnik, VP & Kuznetsov, VI (et al.) 1994, *Modernization: foreign experience and Russia: Monograph*, Moscow.

4. Zhinkin, SA 2009, *Psychological problems right efficiency*, St. Petersburg.
5. Kaspe, SI 2001, *Empire and Modernization: General Model and Russian specifics*, Moscow.
6. Pozdyaeva, SM 1998, *Russian society in the modernization of the conditions (socio-philosophical analysis)*, Ufa.
7. Pantin, VI 1997, *Cycles and waves of modernization as a phenomenon of social development*, Moscow.
8. Panarin, AS 1998, *Revenge of history: Russia's strategic initiative in the XXI century*, Moscow.